

18+

(НЕ)БОЛИТ ВНУТРИ

**Ольга Фатеева
Ксения Макарова
Алина Степанова
Александра Яковлева
Лия М
Оксана Берген
Ольга Дэхнель
Катерина Мухина
Елена Тетерина
Арина Малютина
Варя Морозова
Мария Колоколова
Любовь Полтавская
(Не) болит внутри**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69823699

ISBN 9785006067660

Аннотация

(Не) болит внутри – это сборник рассказов о том, что в жизни каждый из нас испытывает свою боль. Но важно ее

прожить и понять, что с любой болью можно справиться и исцелиться. Это 13 историй о пути к исцелению – от насилия, буллинга, несчастной любви, смерти близкого, нелюбви к себе, болезненного взросления. Все это когда-то проживал каждый из нас. Это книга-зеркало. Отражение нашей любви и боли.

Содержание

Коготок увяз	7
Я утопала на расстоянии	24
Вожатский мостик	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

(He) болит внутри

Авторы: Тетерина Елена, Яковлева Александра, Степанова Алина, Малютина Арина, Морозова Варя, Макарова Ксения, Колоколова Мария, М Лия, Дэхнель Ольга, Берген Оксана, Фатеева Ольга, Полтавская Любовь, Мухина Катерина

Полина Незговорова *Иллюстратор*

Елена Тетерина *Редактор*

© Елена Тетерина, 2023

© Александра Яковлева, 2023

© Алина Степанова, 2023

© Арина Малютина, 2023

© Варя Морозова, 2023

© Ксения Макарова, 2023

© Мария Колоколова, 2023

© Лия М, 2023

© Ольга Дэхнель, 2023

© Оксана Берген, 2023

© Ольга Фатеева, 2023

© Любовь Полтавская, 2023

© Катерина Мухина, 2023

© Полина Незговорова, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0060-6766-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У каждого из нас есть своя любовь и своя боль. И вот в том месте, где они пересекаются, рождается новая версия себя, исцеленная от того и другого. Прожить боль, причиненную любовью, – вот, что важно. Собрать себя заново, как пазл, изменить картинку, сделать ее лучше. Стать сильнее. Душа хранит то, что болит внутри. Даже когда затянутся раны воспоминаний, оставят тонкие ниточки шрамов. Ты всегда помнишь о том, что сделало тебя другой. И какой была раньше.

Мы собрали истории, в которых любовь и боль, переплетенные, доказывают, что жизнь продолжается всегда. И хотим, чтобы они приблизили тебя на шаг к исцелению от боли.

Помни, ты сможешь многое, настанет время, когда все превратится в дорожную пыль, останется позади и развевается по ветру. А впереди – тысячи новых путей, и один из них – твой.

Эти слезы, капающие на страницы, пусть станут первым шагом к твоему исцелению. Осознанием того, что ты не одна в своей боли. Мы все когда-то ее проживали или проживаем сейчас. Рано или поздно все изменится, ты захлопнешь эту книгу и пообещаешь себе стать счастливой.

Верь мне, ведь я обещала.

Коготок увяз

Александра Яковлева

Однажды ты сидишь дома с куском ледяной телятины у распухшей челюсти и как-то отрешенно наблюдаешь за котенком. Тот намертво застрял в плеле. Запутался, бедняжка. Плед оброс вокруг него плотным синтетическим коконом, трется о дымную шерсть, кусается электричеством. Напуганный, затравленный, котенок ползет под кровать и жалобно плачет, пришибленный, как плачет всякий раз, когда ругаешь его за ободранную мебель или всклокоченный ковер. Он, наверное, думает, что статические разряды – кара свыше, с того самого выше, где по рангу находятся двуногие. Возможно, он даже видит вину за собой, и кается, и припадает к полу – не может ведь бить просто так.

Ты невольно улыбаешься, хотя челюсть сводит от боли. Котенок такой смешной дурачок. Ему бы остановиться, увидеть проблему целиком и найти самый простой выход. А самый простой выход – это оборвать связь с мучителем. Отцепить коготь. Только вынь его, котик, и пытка кончится, и плед отпустит тебя (потому что ты отпустишь его), и под кроватью снова станет безопасно. Нет никакой кары свыше, нет наказания за твои несуществующие грехи.

Вот, глупыш, смотри: сейчас я подойду и распутаю этот кокон, а потом – гляди! – возьму твою лапу с вывернутым

в судороге когтем и легко, вверх и в сторону, освобожу. Вверх и в сторону, милый. Вверх и в сторону.

*

Однажды, блуждая в интернете, ты натыкаешься на видео-проект одной девушки. Она делала селфи каждое утро каждого дня, а потом смонтировала из фото клип. Первую минуту ролика она выглядит до зевоты счастливой, и ты не понимаешь, в чем смысл. Но вдруг лицо ее темнеет, искажается. Потухший взгляд, опущенные уголки губ. Иссиня-черный фингал.

Дни идут, синяк постепенно сходит, потом возвращается улыбка, как будто ничего и не случилось. Но из глаз уже исчезло безмятежное счастье. Теперь видно четкий вектор. И она, и ты знаете: будут еще побои. И они действительно происходят. С каждым разом все смелее, все безжалостней.

В конце это уже не просто фонарь под глазом: девушка будто вышла на ринг и выдержала двенадцать раундов. Ее лицо – сплошное месиво, распухшее, бордово-черное. Глаза закрылись набрякшей плотью, от губ ничего не осталось, а нос стал в два раза шире и вздыбился перебитой спиной.

Откуда-то из глубин поднимается нечто дикое, древнее, и ты давишь его из последних сил, хватая ртом воздух. Вдох-выдох. Уж со мной подобного ни за что не случится, думаешь ты. Я ведь живу в нормальной стране и не связываюсь с плохими парнями, думаешь ты.

*

Однажды в аэропорту тебе становится плохо из-за жары, и дежурная медсестра шепчет настойчиво:

– Скажи честно, он тебя бьет?

Но ты можешь только шлепать беззвучно губами, как рыба, и круглить глаза, как рыба. Медсестра дотрагивается до синяков на твоей руке:

– Ничего не бойся. Я вызову охрану. Здесь ты в безопасности.

Ты опрокидываешь в себя стакан холодной воды, дурно-та понемногу отступает. Как можно убедительнее говоришь, что у тебя все в порядке, а синяки лишь следы твоей собственной неуклюжести, вот бы приложить что-нибудь холодное к запястью.

Вынимая из холодильника пакет со льдом, медсестра рассказывает, как однажды к ней обратилась женщина, «вот такая же, ни кровинки», и хотя ее муж не отходил ни на шаг, той женщине удалось шепнуть, что она в опасности:

– Представляете, хотел вывезти ее и продать на органы.

Медсестра делает страшные глаза, ты делаешь страшные глаза – и нечто дикое, древнее на миг поднимает голову в перекрестье ваших душ.

Потом это чувство проходит.

А он нервно мнетя у самого входа в комнату медицинской помощи. Недоверчивой медсестре улыбается одной из самых очаровательных улыбок:

– Уже лучше? Надо спешить, наш рейс объявили.

Ты смотришь в его темные глаза и вязнешь, вязнешь в них, как в болоте.

*

Однажды ты будто просыпаешься. Ты находишь себя посреди идеально убранной квартиры, благоухающей комнатными цветами и выпечкой, с котенком на руках, спасенным из плета. На кухонном столе, завернутый в махровое полотенце, лежит медленно тающий кусок телятины на ужин.

Твоя челюсть с левой стороны болит так, будто сломана, но на больницу нет ни смелости, ни денег. В вазочке на книжной полке – пятьдесят три рубля мелочью, и это вся наличка в твоём распоряжении. Ее не хватит даже на проезд.

Все продукты и товары для дома ты покупаешь онлайн, оплачивая привязанной к аккаунту картой. Косметолог, нейл-мастер, парикмахер сами приходят в назначенные дни.

Весь твой мир вот уже несколько лет замкнут в четырех стенах – богато обставленных, изобильных, просторных. За пределами этих стен ты бываешь только с ним, рядом, у ноги, на поводке. Невидимый хомут всегда на шее, кожей чувствуется, сдавливает до синяков.

Только для котенка ты еще пока всеильное двуногое, а среди других прочих двуногих – наислабейшее, жалкое существо, от того же кота мало чем отличимое. Порой кажется, что даже косметолог и нейл-мастер презирают твою вызолоченную беспомощность.

*

Однажды, давным-давно, когда тебе семь, ты стоишь у окна своей комнаты на седьмом этаже. На старинных трофейных часах с кукушкой – семь вечера, и ты семь раз произносишь про себя короткую молитву собственного сочинения. Семь – счастливое число, а в магию чисел ты веришь. До слезящихся глаз ты вглядываешься в дорожку, по которой должен вернуться с работы отец. Ты берешь за правило смотреть только на нее, чтобы не спугнуть чудо. Отец должен просто возникнуть на тропе меж кустов сирени, а как он туда попадет, знает только Боженька.

Часы хрипят и бьют полвосьмого. У тебя потеют ладони. На всякий случай ты повторяешь свою нехитрую молитву еще семь раз. Потом еще семь. Молитва настолько простая, что и потом, спустя много лет, ты помнишь ее наизусть:

– Пожалуйста, Боженька, пусть папа придет трезвым.

Надо ли говорить, что Бог, этот всемогущий волшебник и утешитель, ни разу не исполнил твою простую, в сущности, просьбу?..

В восемь вечера ты в отчаянии сползаешь с подоконника и принимаешься нервно ходить по комнате. Теперь ты просишь, чтобы он вообще тогда не приходил, но и эту просьбу Бог игнорирует, будто с издевкой.

Ближе к десяти громкие удары в дверь обрывают все внутри твоего маленького тела, и нечто, пока еще маленькое, но дикое и древнее, скулит в темном подкроватном углу тво-

ей души.

Тебе семь, и ты просишь Боженку, чтобы папа пришел с работы трезвый, чтобы не бил маму, но Боженка, наверное, совсем уже глухой дедушка.

*

Однажды ты ловишь удачный момент: он сытно поел, ослаблен и умиротворен. И ты кротко говоришь, что хотела бы пойти на фитнес для поддержания формы – ради его удовольствия, конечно же.

Ты готовилась к этому разговору больше месяца и ожидаешь сражения, но он удивительно легко соглашается. Конечно, в сопровождении Вадима – личного водителя и стражника. Но даже с Вадимом – это все равно большая победа. Ты благодарно целуешь его в плечо. Он улыбается одной из самых очаровательных улыбок, крепко сжимает твою руку, мягкую и податливую, с идеальным маникюром.

Тебе снова как будто семь, ты заперта в доме-клетке один на один с врагом, который жестокой волею судьбы – член твоей семьи.

*

Однажды, спустя полгода регулярных тренировок, ты меняешь привычную траекторию и вместо фитнес-зала идешь в другое крыло, где занимаются боевыми искусствами. Ты находишь тренера, невысокого сухопарого мужчину с задубелой на солнце кожей. Тренер задает стандартный вопрос: – Зачем вам это нужно?

Ты готовилась к этому разговору больше полугода, но почему-то можешь только шлепать беззвучно губами, как рыба, и круглить глаза, как рыба. Наконец, ты отворачиваешь рукав глухой черной водолазки. Тренер некоторое время изучает багровые синяки на предплечье: четыре на внешней стороне и один, противопоставленный, – на внутренней. Потом говорит:

– Вы посмотрелись фильмов. Кикбоксинг не выход. Ничем не могу помочь. Вы только себе навредите.

– А что тогда выход? – тихо спросишь ты, глядя в его грустное коричневое от загара лицо.

– Полиция, – говорит он, и ты чуть улыбаешься.

– Родные? – предполагает он, и ты улыбаешься еще шире.

– Я. Совсем. Одна.

Слова дробят воздух на равные интервалы звука и тишины. Они такие же одиночки в тылу врага: видят друг друга сквозь тишину, но не соприкасаются.

*

Однажды ты принимаешь решение никогда не связываться с маргиналами, поэтому идешь в сферу академического искусства и там связываешься с ценителем традиционной художественной росписи, бизнесменом, мастером спорта, обаятельным красавцем с протезированными зубами и темными глазами. Ты говоришь подругам с придыханием:

«Он идеален! Такой заботливый, такой нежный. Всегда на связи, интересуется, как прошел мой день, забирает с ра-

боты, потом рестораны, театры... Щедрый! Только гляньте на эти серьги... Ну что вы, камни настоящие! Ведь он коллекционер, не терпит подделок».

Чистая правда.

Поэтому, когда после свадьбы он поймет, что ты подделка, жалкая простушка из глубинки, которая только притворялась столичной штучкой, что ты всего-навсего слепой котенок, влезший в шкуру львицы ради выживания; когда он дерет с тебя эту шкуру вместе с нижним бельем и остатками твоей обворожительной скромности (ведь после свадьбы все можно; вы даже не представляете, сколько всего можно), а ты вдруг хрустнешь под его руками коллекционера, словно какая-то стеклянная безделица с блошиного рынка, когда он почувствует себя обманутым...

Он улыбнется одной из самых протезированных улыбок – и ломает тебя. Сначала надвое. Потом раздробит каждую половинку. Потом еще, и еще. А после по-деловому оплатит цистерну клея, воска и прочих затирок. Ведь ты, дорогуша, все-таки училась на реставратора – вот и применяй навыки.

Каждый вечер твое тело и твоя душа будут разлетаться на тысячу маленьких черепков, а поутру – музейная рутина: склейка отбитых фрагментов, мастиковка швов и трещин, восполнение утрат методом инерции различными доделочными массами. За полдня из твоей боли нужно сделать красоту, чтобы его друзья и бизнес-партнеры не смогли и помыслить даже, будто ты – фейк.

*

Однажды ты элегантно ешь телятину *medium rare* под брусничным соусом на корпоративном ужине, отрезая по кусочку, и вкус говяжьей крови смешивается во рту со вкусом твоей собственной, потому что разошелся шов на внутренней стороне щеки. Лицо прееет под толстым слоем реставрационных работ. Тело упаковано в элегантное, но глухое платье.

– Позвольте выразить восхищение вашей спутницей, – говорит иностранный партнер. – В наш сексуально раскрепощенный век подобное скромное величие в подборе наряда и аксессуаров – большая редкость.

Ты улыбаешься уголками рта, рваного изнутри. Ты даже не смеешь поблагодарить за комплимент, ведь сделан он был не тебе, а ему: мол, какой редкий у вас экспонат, большая честь, что вы позволили на него взглянуть.

Ты опускаешь глаза на свою телятину и чувствуешь себя такой же, *medium rare*: уже можно жевать, но еще кровит. Идеально.

*

Однажды ты поймешь: причина не в алкоголе. Алкоголь лишь снимает механизмы торможения. Разрушает дамбу, что сдерживает реку. А вода в той реке у каждого своя. Зависит от того, сколько грязи собрала она по пути, сколько народу в нее плюнуло, сколько опорожнилось. И стоят ли на реке фильтры, природные или хотя бы искусственные.

У отца вода была мутная, кипящая негодующими бурунами вокруг бытовых отходов. Вообще-то, горный ключ, замусоренный только.

У него же – удушливая, вязкая жижа, смрад и чавканье дыбучего болота. Издали даже красиво: по берегам клюква да черные ягоды вероники. А чуть ступишь ногой – пропадешь, и поминай, как звали. Будешь только шлепать беззвучно губами, как рыба, и круглить глаза, как рыба, пока идешь ко дну.

Вверх и в сторону надо бы выпутаться, но страх сильнее. Кажется: сейчас немножко еще потерпеть, и оно, может, само как-нибудь рассосется.

Или привыкнешь.

Хуже-то не будет, думаешь ты, пока болото тебя переваривает.

*

Однажды он подарит тебе котенка. В ошейнике под цвет твоего домашнего халатика, с кулоном, стоимостью в год содержания целого приюта для домашних животных.

– Тренируйся пока, – скажет, подразумевая детей.

Ты, конечно же, радуешься поначалу: беременную не тронет, мать своего ребенка не тронет. Потом вспоминаешь собственное детство. Будь жива мама, что бы она сказала? Держись за него и терпи, как я терпела? Или – беги, пока еще не тяжела дитем?..

Ты играешь с котенком, вычесываешь его, кормишь. Тре-

нируешься.

Котенок такой смешной дурачок!.. И нет у него врагов, нет забот и печалей. И любовь его искренняя. Ты чувствуешь, что уже немного тяжелеешь от котеночьей любви, а к твоему золотому ошейнику прибавилась еще одна шлейка.

*

Однажды ты узнаешь, что была беременна, когда потеряешь ребенка. Ты утонешь в собственной крови и боли, жалкий, раненый зверек. Но как ни плачь, как ни умоляй, он закончит, что начал, а уж потом скомандует: «В ванную, живо!» И сам потащит силком.

Ты просидишь в ванной до утра, чтобы не запачкать собой дубовый паркет, белые ковры, крахмальные простыни.

Азамат, личный врач, придет посреди ночи, проведет осмотр, констатирует разрывы и микровыкидыш. У Азамата всегда виноватое лицо, хотя он-то тут ни при чем. Не его вина, что ты оказалась бракованной пустышкой, никуда не годной подделкой.

«Даже ребенка удержать не в состоянии!»

Когда Азамат уйдет, будут еще удары, все двенадцать ранунов, а ты будешь молчать, чтобы не разбудить котенка, ведь он так мило спит на своей подушке, свернувшись клубком, только ушко топорщится алым парусом.

И потом всякий раз, входя в ванную, ты будешь вздрагивать, а нечто дикое и древнее внутри тебя – яростно вздыбливать черную шерсть. И эта пытка покажется тебе беско-

нечной.

*

Но однажды...

Однажды ты окажешься одна на тропе посреди запущенного парка. Если немного прищуриться, можно представить, будто вокруг самый настоящий, дикий лес. Будет долгожданный летний зной, и сонный перезвон птиц в древесных кронах, и аромат запоздалого цветения, и послеполуденное солнце сквозь листву. И в этот миг сладкого блаженства ты, утопая босыми ногами в прошлогодней листве, в черной земле, вдруг почувствуешь, как нечто внутри тебя, дикое и древнее, впервые за многие-многие годы вдруг затрепещет радостно, почуяв силу.

И ты будешь абсолютно счастлива в этот краткий миг, запомнишь его до мельчайших деталей. Сохранишь в погребах своей памяти, словно летнее вино. А после, всякий раз, в минуты черного отчаяния, будешь мысленно спускаться в этот погреб, откупоривать бутылку, делать глоток-другой – и растворяться в том мгновении покоя и счастья.

*

Однажды ты запретишь болоту переваривать себя, взглянешь на него по-иному. Так оценщик смотрит на произведение искусства. Так реставратор смотрит на фронт работ. Ты увидишь все недочеты, все сколы и трещинки. Слабые места.

Если грамотно ими воспользоваться, можно в одночасье развалить весь его бизнес. Или уничтожить репутацию. Или

просто сбежать в другую страну, поменять имя, гражданство. Вытащить, наконец, увязший коготь. Сделать бы только все правильно, не выдрать с мясом.

*

Однажды в аэропорту дежурная медсестра шепнет настойчиво: «Скажи честно, он тебя бьет?»

И ты кивнешь.

Простое движение головой – и вот уже ты под охраной полиции аэропорта и всего медперсонала, и вас снимают с рейса. Его – на дознание, тебя – на медэкспертизу. Вадим, преданный пес, молчит до последнего, но Азамат охотно и с облегчением дает показания. Общественный резонанс, первые полосы газет, бесконечные интервью, суд...

Когда осядет пыль, ты будешь далеко и в безопасности.

Упущенная возможность.

*

Однажды ты уговоришь тренера обучать тебя кикбоксингу и будешь колотить грушу вместо того, чтобы раздвигать ноги на фитнесе. Вывихнешь запястья, собьешь костяшки, но продолжишь тренироваться. И вот, наконец, после очередного раунда ты ответишь. Ответишь так, что он потом не встанет, а записи с домашних видеокамер будут все, как одна, молчаливо свидетельствовать в твою защиту. Кто-то в суде даже порадует, что камеры не фиксируют звук: картинки более чем достаточно. Но и тренер – упущенная возможность.

*

Однажды ты элегантно ешь телятину *medium rare* под брусничным соусом на корпоративном ужине, а бизнес-партнер делает комплимент твоему платью, и ты благодаришь его от всей души. Ты так обворожительна, что после ужина он приглашает тебя на танец. И вот, во время танца ты шепчешь ему на ухо пару-тройку фраз. Для посторонних ушей слова тонут в джазе, но уже на другой день многомиллионный контракт расторгнут, а партнер возвращается восвояси.

Тебе, конечно, прилетает вскользь – всего каких-то два раунда, бог свидетель, ты прошла и не через такое. Вся коллекционная роспись уходит с молотка вместе с антикварной мебелью и дизайнерской квартирой. Вы переезжаете в район попроще, и ты даже возвращаешься к работе. Теперь ты последний его экспонат, пусть и на сто рядов отреставрированный. И он станет бережным, просто из собственной коллекционерской природы, а не от большой к тебе любви.

Худой мир вместо доброй ссоры, но даже он – упущенная возможность.

*

Однажды котенок застрянет когтем в пледе, запутается в нем и пропадет совсем. Ведь втянуть коготь – за гранью представления глупыша. Примерно так же человек не в состоянии представить квантовую запутанность. И даже если некто дикий и древний, вззирающий на вещи под иным углом, распутает для человека эту самую запутанность, тут же

будет записан в боги, чудеса творящие.

Можно смириться с положением вещей, или разодрать плед в клочья, или извернуться, рискуя сломать себе лапу. Так себе возможности, скажем честно. А когда упущены даже они, остается только ждать чуда от бога, что спрячется внутри каждого из нас. Дикого и древнего. Единственного бога, на которого ты можешь рассчитывать.

*

Однажды ты просто уходишь. Гляди: в этом смысл. Решешь веревку, снимаешь с крючка, втягиваешь коготь. Думаешь, будто жизнь держит тебя в камере пыток? Жизнь не такая уж плохая штука. Временами в ней даже приятно и тепло. Прямо как в плеле. Тут главное – осмелиться и захотеть. Действовать без паники, с холодной головой. Рассуждать логически. Искать пути, чем проще – тем вернее.

В следующий раз, склеивая саму себя по кусочкам, собери немного другого человека. Раз за разом меняй узор в росписи своей души, меняй до тех пор, пока однажды не народится то, на что не поднимется рука даже у тонкого ценителя. А затем носи это новое гордо, словно щит. Тогда ты увидишь коготок. У каждого он свой.

И теперь самое важное: увидев его, вынимай. Вынимай, пожалуйста. Вверх и в сторону, дорогая. Вверх и в сторону.

Я утопала на расстоянии

Алина Степанова

2022 год.

Солнце днем еще согревает. Чувствуется запах дорожной пыли, который не пропадает, даже когда на улице нет ни души. В цветнике у бабушки стоит аромат роз, будто бы они только что распустились. Красные розы. Каждый день, выходя из дома, я натываюсь именно на них. Наверное, поэтому я так их не люблю. Они напоминают о прошедшем лете, окончании прекрасной поры. Начинает смеркаться, теплые лучи пропадают, и наступает прохлада. Вечер можно назвать особенным, если в этот момент пройдет небольшой дождик и прильет пыль на улицах. Запах пыли сменится на аромат мокрого асфальта. Ты идешь по улице, не замечая, что это мгновение – одно из лучших воспоминаний в будущем. Порой я снимала старые заношенные кроссовки и гуляла босиком. В это время каждый день ты проживаешь, как последний. Понимаешь, что позади почти три месяца, и совсем скоро наступит конец веселью, ночным прогулкам и бесконечным разговорам по вечерам.

Я всегда считала, что мне не нужен молодой человек. Я – крутая, веселая, активная, творческая. Зачем мне отношения? К тому же, у меня слишком высокие требования к партнеру. Нужного человека не встречалось, а все попытки на-

чать отношения дальше влюбленности не продвигались.

Это была наша первая разлука, и было понятно, что если эти отношения продлятся, то жить рядом мы будем не скоро. Мы жили в трехстах километрах друг от друга и могли встречаться только в деревне, когда гостили у бабушек. Отношения появились, но молодого человека рядом не было, поэтому эта любовь не ощущалась совершенно. Я постоянно думала: нужны ли мне эти страдания, ведь я сомневаюсь, что люблю его. Что такое любовь вообще? Откуда я могу знать, ведь я никогда не состояла в отношениях до этого.

Появилась традиция созваниваться каждый вечер по видеосвязи и разговаривать обо всем. К тому же, когда вы долго не видите, то забываете лицо даже самого близкого человека. У меня хорошая фантазия, и я часто мечтаю, представляя все до мелочей. Помню, что закрывала глаза и не могла представить его лицо перед собой. Несмотря на долгие ночные разговоры, я постоянно листала фотографии, чтобы вспомнить, как он выглядит. Я забывала чувства, которые он мне приносил. Наши встречи раз в два месяца были долгожданными, но очень тяжелыми в плане ожидания. И никакие доводы вроде «это проверка отношений» и «зато вы не надоедаете друг другу» не помогали. А совместная фотография появилась спустя два месяца после того, как мы начали встречаться. Потому что на следующий день после начала отношений мне пришлось уехать в город, и с этого момента мы виделись крайне редко.

Лезть не в свое дело – очень плохая привычка, которой грешил каждый из нас. Но грань все-таки должна быть. При общении со знакомыми, после обычных вопросов: «Как дела?», «Чем сейчас занимаешься?» и т. д., каждый раз вставал вопрос об отношениях. «А как дела у вас?» И даже несмотря на вполне многообещающий ответ, некоторые люди стремятся вставить свое «я» и здесь. «Отношения на расстоянии – это так тяжело. Ты не боишься, что он тебе изменяет? Я вот не доверяю парням, они все одинаковые. Не верю в отношения на расстоянии». А потом еще добавляют: «Но это только моя точка зрения».

Максимально сложно доверять человеку на расстоянии. Невероятно трудно верить в эти отношения. Тяжело жить с мыслью, что у всех отношения «здесь», а у тебя «где-то там». Но, наверное, тяжелее – держать свое мнение при себе. Мне совершенно не важно, что думает мой собеседник на этот счет, если я сама его не спрошу. Не нужно проецировать свои переживания, предрассудки и стереотипы на мою жизнь. Без таких разговоров было бы проще жить. Когда тебя постоянно спрашивают: «Как ты можешь доверять ему, если он в двух тысячах километров от тебя», – то мой задремавший таракан просыпался и начинал снова грызть мои только что окрепшие мысли. И снова расстройства и переживания.

Отчетливо помню мой самый сложный период. Мы были в отношениях больше года. Я тогда еще жила в своем ма-

леньком городе и училась в 11 классе. Пыталась понять, кем хочу стать в будущем, готовилась к ЕГЭ и мечтала побыстрее уехать из этого пыльного города, в котором нет моего молодого человека, а я не могу найти даже нормальных друзей. Он окончил школу и поступил в Московский университет. Периодичность наших встреч не менялась. Они были очень долгожданные, но такие болезненные. Перед тем как увидеться, я постоянно размышляла: «Что, если я его сейчас увижу, спустя два месяца, и пойму, что разлюбила. Что, если он почувствует, что больше не хочет быть со мной рядом, и мы расстанемся». Я не могу ставить диагнозы сама, не имею на это никакого права и образования, но, анализируя ту ситуацию, я почти уверена, что у меня могла бы так начинаться депрессия. Каждый день я рыдала и ждала момента, когда мы сможем созвониться.

Истерика накатывает. Снова. Я пытаюсь сдерживать слезы. Мама постоянно спрашивает, как у него дела. Я же только отвлеклась. Самое главное, не зарыдать пока она дома. Она скоро уедет, нужно посидеть в комнате. Что-то спрашивает. Уехала. Слезы. Пишу ему. «Успокойся». Рыдаю еще сильнее. Кому-то хоть раз становилось легче после слов «успокойся»? Как же достало. Бью подушку. Боли нет, нужно что-то посерьезнее. Бью стену. Кровь. Больно. Зато спокойнее. Подъехала машина. Да, все в порядке, мам.

Точно не могу сказать, что чувствовал тогда мой молодой человек. Он тоже был расстроен и бессилен, но я не ощуща-

ла такой поддержки, в которой нуждалась. Ее просто невозможно было оказать на расстоянии. Я много думала, что мне это не нужно и проще все бросить. Я тогда не жила собственной жизнью, а начала жить лишь переписками, звонками и прочим. Наверное, многим знакомо чувство, когда утопаешь в человеке и забываешь о себе. Я утонула на расстоянии. Это ужасно. Думая об этом сейчас, я понимаю, что это мучительно и в то же время глупо. Но в такой момент ничего сделать невозможно. Ты просто живешь человеком. Никто этого не понимает и говорит: «Расслабься». Он тоже скучал, писал, звонил и делал все, чтобы я чувствовала себя лучше. Но он жил своей жизнью, а я нет.

После школы я поступила в университет. Тогда активно развивался covid-19, и моего молодого человека перевели на дистанционное обучение. Он приехал в Самару к родителям и ко мне. В тот год мы виделись гораздо чаще, поэтому тут мне хочется выразить благодарность коронавирусу за это. Дистанционное обучение вводили еще несколько раз, и мы были вместе. Тут я познала прелести нахождения в одном городе спустя два года отношений.

Сейчас он в Москве, а я в Самаре. Стоит сказать, что я тоже ездила к нему в столицу. Расстояние все еще есть в нашей жизни, и знали бы вы, как мне тяжело об этом думать. Просто сейчас я настолько привыкла, что принимаю это как должное и стараюсь не думать о расстоянии вовсе. Но все еще жду момента, когда мы будем жить рядом. Я верю, что

это случится после окончания учебы. Надеюсь, что в это искренне верит и он. Только эти мысли помогают мне преодолеть сложности расстояния.

Наверное, если вас хоть немного зацепил мой рассказ, вам хочется спросить: для чего я все это написала, и почему не проще расстаться, если это так больно. Отвечаю на второй вопрос: не проще. Во-первых, мы искренне любим друг друга. Думаю, я имею полное право тут говорить «мы». Во-вторых, человека с настолько схожими интересами я не встречала в своей жизни. Конечно, в чем-то мы очень разные, поэтому иногда вздорим. Но так и должно быть, иначе просто было бы скучно. В-третьих, каждые отношения, а уж тем более те, что на расстоянии, должны вести к чему-то. У нас есть общие планы, и в будущем мы будем жить вместе. Эта мысль спасала и продолжает спасать в тяжелые времена. Если общих планов нет, то все это бессмысленно для меня. В-четвертых, для меня самое главное в отношениях на расстоянии – доверие. К этому фактору у нас особое отношение. Не будь его – не было бы нас. Он ни разу не пошатнул мое доверие к нему, также как и я не подрывала его доверие. И это является опорой всего. Не знаю, как так вышло, но я с первых дней я была в нем уверена. И пока мы доверяем друг другу, смысл этих отношений существует. В-пятых, если действительно любишь, то пройдешь через все. Может быть, это испытание, пройдя которое мы уже будем жить без страха и боли в свое удовольствие.

Отвечая на первый вопрос, я хочу сказать, что написала все это не для того, чтобы кого-то разжалобить или вызвать сочувствие. Я лишь надеюсь, что если сейчас кто-то переживает из-за отношений на расстоянии так сильно, как переживала я, то эти слова помогут осознать, что вы не одни. Советчиков по отношениям очень много. Но их нужно меньше слушать. Все зависит от ВАС. И никто не имеет права решать за вас. Опирайтесь только на доверие и на собственные чувства. Главный урок, который я получила благодаря этому расстоянию: нужно жить для себя! Нужно развиваться, думать о себе, о своем будущем. О вашем общем, конечно, тоже нужно, но всегда опирайтесь на свои желания и потребности.

Мы в отношениях с августа 2018 года. На данный момент мы вместе уже почти 4 года. С первых минут я была честной. Сразу сказала, что я невероятно сентиментальна, обожаю лето, ненавижу красные розы и никогда не прощу измену. Он это принял как факт и высказал свои ценности. Несмотря на все вышеописанные трудности в этом рассказе, мы соблюдаем ценности и желания друг друга, остаемся всегда верны, а он не дарит мне красных роз. Вместе мы прошли и продолжаем проходить через многое, но самое главное – через расстояние.

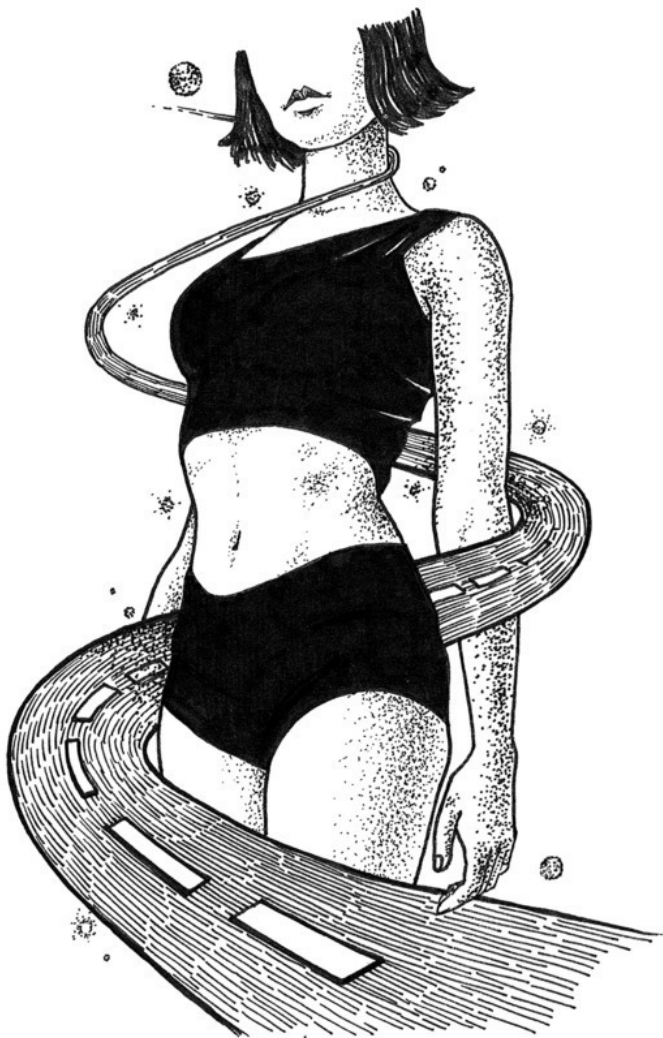
2023 год.

Этому тексту уже около года, и сейчас я перечитываю его, а мои глаза наполняются слезами. Меньше месяца назад мы

расстались. Это было неожиданно и больно. Я ни в коем случае не отказываюсь от своих вышесказанных слов. Лишь поражаюсь тому, насколько я честна в этом тексте. Любовь есть, отношения на расстоянии возможны, никто не имеет права решать за вас, что и как вам делать.

4,5 года мы были вместе. Наши отношения начались, когда мне исполнилось 16. Жаль, что пожить вместе нам так и не удалось.

Сейчас мне 20 с небольшим, я продолжаю строить планы и развиваться, но уже одна. Я ни о чем не жалею, просто так было нужно. Пока не могу отпустить, но обязательно это сделаю.

Вожатский мостик

Арина Малютина

Воздух свежий, звенящий пока еще тишиной. Лазурь одолела розовый рассвет, птицы отпели утренние романсы. Сладкое безвременье стало вполне себе конкретным утром. Сониным предпоследним утром.

Она глубоко вдыхает, медленно выдыхает и возвращается в корпус. В конце смены всегда так: то ли хочется, чтобы закончилось уже все это поскорее, то ли чтобы замедлилось хоть на пару дней.

Этаж, пахнущий десятилетками и душной постирочной, спит. Соня же не спала всю ночь – незавидная участь ночной дежурной, еще и напарники подкинули работы. Доделать, переделать, оп, это мы вообще не начинали... Так и выходит, что десять часов в окружении сопящих детей пролетают с той же стремительной беспощадностью, что и последняя смена лагерного лета.

Соня останавливается возле комнаты в центре коридора, снимает блокировку телефона. Семь двадцать шесть. Можно было бы еще пять минут, конечно, но чем раньше начнешь будить, тем раньше пойдешь спать.

– Дети, вста-аем! Доброе утро!

Первый оклик всегда ни о чем. За ночь одеяло и подушка становятся дороже любимых вожатых и оладий с вареньем

на завтрак, так что за первым окликом идет второй. За вторым – третий, потом все эти стуки в двери, мальчики, вставайте уже, эй, я вижу, что ты спишь, давай, утро, снова утро, пора делать дела...

– Финишная прямая! – Лера радуется с порога лестничной площадки, Соня в ответ неопределенно поджимает губы. – Один день, а завтра уже домой, в ванну, есть эклеры...

Поразительно, насколько примитивными становятся желания после месяца жизни в лесу. Ванна, своя комната, поход в супермаркет, кофейня на углу дома, и чтобы никаких «сдайте план мероприятия» и «где рефлексия дня».

– Видела Аню?

– Она проснулась, когда я уходила. Миша, поднимайся, иначе вернусь со стаканом воды! – Лера ровно на полшага показалась из комнаты мальчиков и сказала: – Ты можешь идти уже, я разбужу ее детей.

– Супер, спасибо!

Дети просыпаются – и твой дозор окончен, ночная жожа-тая. Уползай восвояси, пытайся заснуть. А ближе к вечеру поднимайся и делай свое важное дело – последнее в детском лагере и тающем на глазах лете.

Соня выходит из корпуса, поправляет лямку рюкзака на плече и спешит за столовую, чтобы ни с кем не столкнуться. Затем сворачивает на лесную тропинку, проходит костровые места и выходит к промзоне. Там слышен шум бензопилы и пахнет самодельным зоопарком и сыростью широ-

кого ручья. Соня останавливается посреди голубого мостика и пытается выровнять дыхание.

«Это вожатский мостик, – говорит голос в ее голове так четко, будто не прошло с того момента трех лет. – Детям тут ходить нельзя».

Соня стоит на подгнивающих облупившихся досках и думает, как же так сложилось, что человечество изобрело ядерное оружие, но не таблетку от воспоминаний. Человек может уничтожить весь мир, нажав на одну кнопку. А то, что из года в год разрушает его изнутри, – нет.

Я здесь, я больше не ребенок. Я выросла, и я стою на чертовом мостике.

Она могла бы сказать это вслух, глядя в глаза тому, кто когда-то запретил ей идти по скрипящей конструкции. Но каждый раз страх последствий останавливал, запирал слова в глотке и силой проталкивал назад к истерзанному сердцу. Ведь какому вожатому нужен ребенок, серьезно говорящий с ним о любви?

Без трех минут восемь Соня минует последний корпус, проходит чуть дальше в лес и не очень аккуратно садится на первый попавшийся гамак. Едва не падает, но вовремя перемещает туловище в нужную сторону. Гамак раскачивается, и раскачиваются сосны над головой.

Ровно в восемь раздается обещанный звонок.

– Доброе утро!

– Доброе у тех, кто спал.

Сестра по ту сторону мобильного соединения усмехается и пьет, видимо, что-то горячее. Небось, капучино из кофеварки.

– Кто ночью не спал, тот записался на практику на август.

– И правда что, – Соня вздыхает, и сосны качают раскидистыми головами.

– Придумала, что сказать?

– Ничего я не придумала, – устало признается Соня, пока ком встает поперек горла. – Всю ночь работала с документами. А когда не писала, выходила подышать, чтобы не вырубиться.

– Но поговорить ты планируешь?

– Да, обязательно.

На пару секунд в трубке – тишина. Соня ждет услышать то, о чем сама просила напомнить перед отъездом. Но сейчас слышать это не хочется. Потерять человека в теории за двести километров от него куда проще, чем потерять на самом деле, когда он на расстоянии телефонного звонка и двух минут пешком.

Сестра тяжело вздыхает, глотает кофе, и голос ее звучит в динамике телефона:

– Я скажу то, что должна. Но не потому, что ты попросила, а потому, что у меня болит за тебя сердце. Соня, – первые слезы скатились по щекам, но в трубку нужно дышать ровно, ты сможешь, давай, – ты заслуживаешь хотя бы знать, как он к тебе относится. Появляется в твоей жизни на пару дней,

а потом исчезает на полгода. А ты страдаешь.

Соня молчит: точно знает, что вместо голоса сейчас – дрожащие слезы, выплаканные десятки раз, но так и не закончившиеся. Она все думала, что, вот, месяц, два, три, и забудет, точно забудет, нельзя же так долго любить человека без причины, без общения, без почти ничего с его стороны. Но Соня ошиблась. Сначала со всеми своими месяц-два-три, потом с годом, потом со вторым и третьим. Злилась, выла ночами в подушку, проклинала себя, запрещала себе. Но в агонии момента все равно хватала телефон и писала что-то незначительное, лишь бы вспыхнула бегающими точками строка диалога, лишь бы хоть пару слов на пару месяцев тишины...

– Я просто слабачка, – ровно не выходит, и Соня закусывает губу, сжимая пальцы на телефоне.

– Нет, просто ты не уверена, – тихо напоминает сестра, – и боишься, как все будет после этого разговора. Но, Сонь, так не может продолжаться вечно. Ты и сама это знаешь.

Соня молча плачет в телефон. Все она знает, конечно, но разве легче от этого? Иногда хочется быть дурочкой. Считать флирт и частые объятия признаками скорого первого свидания и глупо улыбаться этому в пустоту, а не пытаться нащупать истину через полотно противопоставимых поступков.

Но – увы – дурочкой Соню не рожали. Возможно, от этого все ее проблемы.

– Ладно, – Соня резко вдыхает, так, чтобы получился не всхлип. – Ладно. Я с этим разберусь сегодня. Обещаю.

– Сонь, пообещай это прежде всего себе. И... – сестра запинается, а Соня все-таки всхлипывает. – Напиши мне потом, хорошо? Неважно, во сколько. Просто чтобы я знала, что ты в порядке.

Соня сумбурно прощается, скидывает вызов и рвано вдыхает удушливый воздух. Смотрит на сосны и не видит их: взгляд блуждает в закоулках памяти, и Соня одновременно греется и царапается о прошедшее. Она поднимается с гамака и идет в здание школы, где в классах вместо школьных парт выставили кровати и шкафы для студентов. Комната пуста, и у Сони внутри тоже постепенно разливается свинцовая пустота. Она забирается под одеяло, прячется там от солнца и звуков жизни за окном. И, когда подкрадывается сон, Соня слышит вибрацию телефона, а следом за ней – шум ручья и скрип голубых досок под ногами.

А потом пустота выливается из ее тела и заполняет собой все.

Из вязкого ничего Соню вытягивает громкая музыка за окном. «Ялта, август, и мы с тобою влюблены...» – поет стадион для старших детей под розовеющее небо. «Издательство», – себе под нос шепчет Соня и вылезает из постели.

Будильники она не слышала: видимо, организм решил, что бежать по бесконечному вожатскому мостику во сне важнее. Соня чертыхается и тянется к телефону, чтобы прове-

ритель, не опоздала ли на последний вечерний огонек своих детей. Телефон показывает час до него и четыре непрочитанных сообщения.

«Эй, на огонек придешь вообще?» – написал напарник.

«Ты во сколько заканчиваешь сегодня? Надо же встретиться напоследок».

«Ауу, Соня, люди не спят столько после ночных!»

«Или спят...» – и стикер с кричащим оранжевым котом следом. От Саши.

Остатки сна мгновенно исчезают. Соня закусывает губу, чешет щеку и, помедлив, открывает диалог с напарником. «Приду через 20 минут, проспала все на свете. Документы нашли?» Потом смотрит на сообщения от Саши, и палец замирает над экраном телефона. Ноги не чувствуются – словно остались во сне, где бежали и бежали, но не смогли донести Соню до цели. В животе странно крутит, и по всему телу разливается щекочущий холод. Соня тяжело сглатывает и опускает палец на светящиеся буквы.

«Заканчиваю примерно в десять, но как там собрание пойдет. Позвоню, как отпустят».

Сердце по-дурацки колотится в груди. Телефон вибрирует и высвечивает новое сообщение от напарника: «Да, все класс, спасибо! Не забудь Емелю!»

Соня сипло вдыхает теплый воздух. Саша сразу, конечно же, не ответит, так что можно и на работу собираться. И закинуть Емелю в рюкзак прямо сейчас, чтобы не забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.